

СООБЩЕНИЯ

Научно-исторические труды Н. Г. Чернышевского в период астраханской ссылки (1883 — 1889)

А. Ф. Мартынов

Чернышевский был доставлен жандармами в Астрахань 27 октября 1883 г. и прожил здесь под строжайшим надзором полиции до 29 июня 1889 года.

Великий революционный демократ был переведён в Астрахань в тот период, когда самодержавие отбило вторую волну революционного движения в России и в стране установилось господство разнузданной реакции.

За двадцать один год, прошедший после ареста Чернышевского, в России произошли большие изменения: в стране развивались капиталистические отношения, росла промышленность, формировался пролетариат. Рабочий класс начинал свою героическую борьбу против царизма и капитализма.

Чрезвычайные меры предосторожности при переводе Чернышевского в Астрахань, строжайший полицейский надзор за ним и предоставление ему крайне ограниченных прав на литературную деятельность свидетельствуют о том, что самодержавие боялось Чернышевского и хотело лишить его возможности оказывать революционное влияние на русское общество. Расчёты царизма на то, что годы каторги и вилюйского заточения сломят революционный дух великого демократа, не оправдались. Через все невзгоды и лишения Чернышевский высоко пронёс знамя боевого материализма и непримиримой революционной борьбы, не запятнав его никакими уступками идеалистам и либералам.

В период астраханской ссылки Чернышевский отстаивал и развивал цельный философский материализм, борясь против неокантианства и позитивизма, широко распространённых в Западной Европе и царской России. Философские письма Чернышевского к своим сыновьям из Сибири и его работы астраханского периода — «Характер человеческого знания», «Предисловие к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» — являются замечательным образцом материалистической критики Канта, лучшим, что есть в этой области в домарксовской литературе. Здесь Чернышевский развивает материалистические мысли, высказанные им в работе «Антропологические принципы в философии».

Огромная заслуга принадлежит Чернышевскому в критике социального дарвинизма. В статье «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», помещённой в «Русской мысли», Чернышевский нанёс сокрушительный удар по социальному дарвинизму и мальтузианству. Известная оценка, данная В. И. Лениным философскому мировоззрению Чернышевского, относится и к периоду астраханской ссылки. «Чернышевский, — писал Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм», — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников»¹.

В годы астраханской ссылки Чернышевский горячо интересовался общественной жизнью России, развитием русской и мировой науки и литературы. Идеологи реакции и их приверженцы в те годы чернили в печати вождей революционного движения 60-х годов — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Михайлова — и всячески извращали их идейное наследство. В целях разоблачения вражеской клеветы и правдивого освещения деятельности революционно-демократического лагеря 60-х годов Чернышевский возобновил начатую ещё до ареста и ссылки работу по сбору материалов к биографии Н. А. Добролюбова. К этой работе он привлёк свою жену Ольгу Сократовну, сына Михаила, родных и знакомых Добролюбова — А. Н. Пыпина, В. Г. Короленко и других. Чернышевский думал также собрать и разработать материалы к биографии Н. А. Некрасова. Чернышевский писал воспоминания о своих соратниках и сотрудничавших в «Современнике» писателях, о студенческих волнениях 60-х годов, подготовлял к переизданию свои статьи из «Современника».

Особое место в жизни Чернышевского в годы астраханской ссылки занимает его деятельность переводчика. Зная о тяжёлом материальном положении семьи Чернышевского, буржуазные издатели пытались превратить его в проводника реакционных взглядов. Они предлагали Чернышевскому

¹ В. И. Ленин. Соч. Т. 14, стр. 346.

для перевода антинаучные, реакционные произведения немецкого историка и филолога Шредера («Сравнительное языкознание»), английского философа-идеалиста Г. Спенсера («Основные начала») и др. Чернышевский использовал свою переводческую деятельность для борьбы против реакции и её идеологов. Переводя реакционные книги, Чернышевский вносил большие изменения в содержание переводимых работ, выбрасывал из них целые страницы, сопровождал текст своими заметками и примечаниями, разоблачавшими «пустословие» и «враньё» идеологов реакции. Чернышевский защищал независимость своих суждений, требуя от издателя печатать его критические замечания в том виде, как они написаны.

Особенно большой переработке и сокращению он подверг «Всеобщую историю» Г. Вебера. Эту книгу избрал для перевода сам Н. Г. Чернышевский. Он писал впоследствии: «Я не знал ее тогда. Судил о ней по отзывам немецких историков. Они обманули меня». Ознакомившись с первым томом, Чернышевский увидел, что «книга несравненно хуже своей репутации». Последующие тома вызвали у него чувства ещё большей неудовлетворённости и возмущения. «Книга Вебера пользуется хорошей репутацией. Но она хороша лишь по недостатку более дельной книги подобного размера... Но с ученой точки зрения... книга Вебера дрянь...»².

Г. Вебер — немецкий буржуазный историк. В основе его социально-политических убеждений лежали принципы немецкой идеалистической философии Гегеля и Канта. В своей книге Вебер защищал и отстаивал идеализм, религию, монархию, несправедливые, захватнические войны, угнетение трудящихся. Приступая к переводу Вебера, Чернышевский намеревался «писать под прикрытием имени Вебера свой трактат»³. 8 декабря 1888 г. Чернышевский писал издателю Солдатенкову: «Я не имею права выставлять на моих книгах мою фамилию. Имя Вебера должно было служить только прикрытием для трактата о всеобщей истории, истинным автором которого был бы я»⁴.

Но план не был осуществлён: помешали издатели. Тогда Чернышевский решил переработать книгу Вебера в революционно-демократическом направлении, очистить её от национализма и расизма, придать ей «более высокое ученое и литературное достоинство»⁵. Этот замысел ему удалось реализовать, хотя и не полностью. Достаточно указать, что из двенадцати томов «Всеобщей истории» Чернышевский выбросил 1 419 страниц, в которых наиболее ярко выражались реакционные взгляды Вебера⁶.

К переделке текста книги Чернышевский приступил с первого тома перевода. В предисловии к первому тому Чернышевский отметил, что Вебер в своих общих понятиях «не самостоятельный мыслитель». Он припадает к таким немецким историкам, в умах которых господствует «трансцендентальная философия» и шовинистическое «пристрастие к своей нации». Эти два противонаучных элемента являются серьёзными пороками. Без них «книга Вебера была бы несравненно лучше»⁷.

Предисловие Чернышевского, призывая русских читателей к борьбе с идеалистической философией, расизмом и шовинизмом, пробудило у них критическое отношение к «Всеобщей истории» Г. Вебера. Чернышевский выбросил из первого тома антинаучное «Введение» Вебера и заменил его своим «Очерком научных понятий о возникновении человеческой жизни и о ходе развития человечества в доисторические времена», в котором утверждал, что человеческое общество возникает с появлением орудий труда и что с этого времени «ход развития человеческого рода» определяется состоянием орудий труда⁸. Свои суждения о значении руки и её совершенствовании, о роли орудий труда в улучшении материальной жизни и умственном развитии человека Чернышевский называл «существенными понятиями» для выяснения того, «как сформировалась обстановка человеческой жизни и как шло развитие человечества в доисторические времена»⁹.

Проблему происхождения человека Чернышевский пытался осветить с позиций материализма. Не знание предшествует улучшению материальной жизни человека, а благоприятные материальные условия, которые человек находит в готовом виде в самой природе¹⁰ «Все те качества человека, — писал Чернышевский, — которые составляют сумму собственно человеческих особенностей, приобретены человеком исторически. Их дала ему жизнь его. Первоначально он не имел их»¹¹.

Однако это материалистическое положение Чернышевский не сумел распространить на изучение общественной жизни в целом. По его мнению, материальные условия, изобретение и освоение человеком орудий труда, способов обработки земли, приручение животных имеют важное значение только в ранние периоды общественной жизни, а в эпоху цивилизации ходом исторического развития управляют знания людей¹².

Внимание Чернышевского всегда привлекала борьба китайского народа за свободу и национальную независимость. В книгу Вебера, пропитанную ненавистью и презрением к китайскому народу, Чернышевский

² Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Гос. изд-во художеств. литературы. М. 1950. Т. XV, стр. 670, 844.

³ Там же, стр. 849. Примечание.

⁴ Там же, стр. 769.

⁵ Там же, стр. 843.

⁶ Центральный Государственный литературный архив в Москве. Фонд Н. Г. Чернышевского, ед. хр. №№ 648—655.

⁷ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. X, стр. 803.

⁸ Там же, стр. 975—976.

⁹ Там же, стр. 976.

¹⁰ См. там же, стр. 923—924.

¹¹ Там же, стр. 969.

¹² См. там же, стр. 924.

внёс значительные изменения, относящиеся к истории Китая. Эти изменения связаны с разоблачением Чернышевским расистских теорий и представляют огромный интерес.

На протяжении всей своей деятельности Чернышевский разоблачал расистские взгляды о неравноценности наций. В статье «О расах» он писал, что «всякое объяснение какого бы то ни было исторического факта особенностями умственной или нравственной организации рас — дикая фантазия, отвергаемая наукой. Эти объяснения теперь в моде, но они — продукт невежества»¹³. Чернышевский писал о попытках найти какие-то специфические законы развития китайцев, но свойственные остальному человечеству. Однако «при внимательном наблюдении, — указывал он, — невозможно не видеть, что желтые люди думают и чувствуют совершенно то же, что белые люди на подобной им степени развития. Те особенности, какие мы замечаем в китайцах, — не особенности китайцев, а общие качества людей данного исторического состояния и общественного положения». И далее Чернышевский подчёркивал, что «китайская история имеет те же самые черты, как история всякого народа при таких же обстоятельствах»¹⁴.

Чернышевский совершенно отрицал роль расового фактора в истории: «Во многих случаях истина была бы ясна сама собою, если бы не была закрыта от нас фантастическим объяснением факта посредством расовых отличий. Так, например, мнимая неподвижность быта и понятий китайцев была бы без всякого труда понята нами в истинном ее виде как ряд падений цивилизации под гнетом варваров, если бы наше внимание не было отвлечено от этих бедствий произвольной фразой о неспособности желтой расы подняться выше известного уровня цивилизации»¹⁵.

Чернышевский хорошо знал историю Китая. Она служила ему ярким доказательством великих заслуг китайского народа перед человечеством. Разоблачая бредовые утверждения буржуазных учёных о неизменности и неподвижности китайской культуры, Чернышевский называл китайский народ расой, давшей миру «великих мыслителей, сделавшей великие технические открытия»¹⁶.

Чернышевский был глубоко убеждён, что китайский народ добьётся свободы и быстро пойдёт по пути исторического прогресса, оказывая мощное культурное воздействие на другие народы. История подтвердила научные выводы русского революционного демократа.

Чернышевский не ограничился очищением книги Вебера от шовинистических идей, а написал специальную статью «О классификации людей по языку» и приложил её к VIII тому «Всеобщей истории» Вебера. В статье Чернышевский подверг критике

идеалистическую теорию языка Вильгельма Гумбольдта. Рассуждения Гумбольдта и его последователей Чернышевский очень метко назвал средневековой схоластикой, далёкой от истинной науки. «Кто не хочет изобретать или повторять вздора о характере языков, — писал Чернышевский, — должен ограничивать свои суждения об их достоинствах или недостатках высказыванием справедливой мысли, что гибок, богат и при всех своих несовершенствах прекрасен язык каждого народа, умственная жизнь которого достигла высокого развития»¹⁷.

С глубоким знанием науки о языке Чернышевский убедительно доказал, что «существенную разницу между языками составляет только богатство или бедность лексикона, а состав лексикона соответствует знаниям народа, так что свидетельствует лишь о его знаниях, о степени его образованности, о его житейских занятиях и образе жизни и отчасти о его сношениях с другими народами»¹⁸.

П. Г. Чернышевский в революционно-демократическом духе изменил веберовские оценки ряда войн, прежде всего характеристику походов немецких феодалов в Италию. Вебер рассматривал эти походы как «богоугодное» и «полезное» дело. С особым упованием он рассказывал о походах Фридриха I Барбароссы¹⁹. Все тирады Вебера о военных подвигах Барбароссы, его дипломатических «способностях» Чернышевский выбросил из русского перевода.

Извращая факты, Вебер писал о радостных встречах немецких завоевателей итальянским народом; пытался доказать, что немецкие захватчики даровали итальянскому народу свободу и счастливую жизнь²⁰, утверждал, что «конституция» Фридриха II (1231 г.) предоставила гражданам Сицилии большие права в «делах государственного управления»²¹. Эти положения, противоречащие исторической правде, были исключены Чернышевским из русского перевода. В переводе подчёркнута ненависть итальянского народа к немецким императорам, показана борьба против немецкого засилья в Италии.

Вебер характеризовал итальянские походы немецких феодалов как общенациональные предприятия, в которых заинтересована вся нация, все слои населения²². В переводе Чернышевского походы немецких феодалов в Италию названы «бесполезными» и «вредными» для Германии²³, а стремление немецких императоров завоевать Италию — несбыточной мечтой. Чернышевский

¹⁷ Там же, стр. 848.

¹⁸ Там же, стр. 890.

¹⁹ См. G. Weber. Allgemeine Weltgeschichte. Bd. 6, Zweite Aufgabe. Leipzig, S. 692—702.

²⁰ Там же, т. 6, стр. 748—749; т. 7, стр. 846, 891, 893.

²¹ Там же, т. 7, стр. 148.

²² Там же, т. 6, стр. 193; т. 7, стр. 831; т. 8, стр. 178; т. 9, стр. 177—179.

²³ «Всеобщая история» Георга Вебера. Перевёл Андреев (псевдоним Н. Г. Чернышевского. — А. М.). Т. 9. М. 1888. стр. 115.

¹³ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. XV, стр. 652.

¹⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. X, стр. 823, 824.

¹⁵ Там же, стр. 825—826.

¹⁶ Там же, стр. 822.

прекрасно понимал, что походы немецких императоров были не делом всего немецкого народа, а лишь его незначительной части — феодалов, заинтересованных в грабеже Италии. «Хвалили эти дурные дела, — писал Чернышевский, — только соучастники их. Это забывают потомки...»²⁴. «Эти походы, — писал Чернышевский, — гибельные для итальянцев, были гибельны и для самих немцев. Немецкое государство, окрепшее благодаря благоразумию Генриха I, было расшатано походами Оттона I и следующих императоров в Италию; Гоэнштауфены своими войнами в Италии разрушили свое государство и погубили свою династию»²⁵.

Вторжения французских феодалов в Италию и Испанию в XV—XVI вв. Чернышевский также считал вредными не только для этих стран, но и для самой Франции²⁶. Завоевание Нового Света, покорение и уничтожение коренного местного населения Вебер считал великим прогрессивным делом, совершённым под руководством «Провидения». В переводе Чернышевского не осталось и намёка на положительную оценку колонизации. Напротив, в нём со всей решительностью подчеркнуты отрицательные стороны колонизации. Кортеса, Пизарро и других завоевателей Чернышевский называет авантюристами и губителями туземного населения. Он считал нелепыми и вредными разговоры о мировых заслугах колонизаторов и мировом значении колонизации²⁷.

Таким образом, в 80-е годы XIX в., в период ожесточённой борьбы капиталистических государств за раздел мира, Чернышевский смело поднял голос против колониальных захватнических войн, против угнетения народов колоний, сурово критиковал национализм и шовинизм немецких буржуазных историков.

Чернышевский подверг уничтожающей критике «ходячую характеристику» итальянского народа, составленную немецкими, испанскими и французскими завоевателями. Каким образом составлялась эта характеристика итальянского народа? — спрашивал Чернышевский. И отвечал: «Главным источником ее была досада завоевателей на желание итальянцев освободиться от их владычества. В Италию ходили немцы, плавали испанцы, ходили туда французы; все они побеждали, покоряли Италию или часть ее; при первой возможности коренные разрывали обещания, данные покорителям, и пытались свергнуть с себя их иго. Какой покоренный народ не поступал точно так же? В политических делах тяжелые обещания сохраняются, лишь пока не представляется надежды избавиться от их исполнения. Это мы видим в истории всех европейских народов или частей народов; примеров противного нет. Одно из двух: или историки каждого другого европейского

народа должны называть свой народ коварным, или они не имеют права ругать итальянский народ за то, за что прославляют свой народ, — за любовь к независимости»²⁸.

Так Чернышевский пропагандировал свободолюбивые, патриотические, революционные традиции угнетённых народов, воодушевлял их на героическую борьбу за свою независимость.

«История» Вебера подобно книгам других немецких буржуазных историков XIX в. пронизана враждой к славянам и великому русскому народу. Рассуждения Вебера о немецкой колонизации на Востоке искажают историю и проповедают расовый шовинизм. Чернышевский удалил из русского перевода рассуждения Вебера об «особой культурной миссии» немецких колонизаторов на Востоке, о расовом превосходстве немцев над славянами и народами Прибалтики.

Чернышевский считал, что западные славяне стояли по своему развитию и культуре не ниже, а выше немецких колонизаторов и миссионеров. У них были большие богатые города: Стардгарт, Аркона, Гданск, Штетин, Волин, Радигош и другие; они знали земледелие и ремёсла, были храбрыми воинами и мореходами. Богатство, культура и храбрость славян были известны на западе и востоке. Именно богатство этого края привлекало сюда немецких авантюристов, которые приходили грабить, а не цивилизовать его население. Чернышевский показал, что распространение христианской религии явилось лишь благовидным предлогом для завоевания, покорения и грабежа славян и народов Прибалтики: «Биллунги и второстепенные саксонские владетели воевали с лютичами и ободритами, но не для расширения христианства, а для увеличения своих доходов данью с покоренных»²⁹.

В переводе Чернышевского войны немецких феодалов со славянами и народами Прибалтики показаны как захватнические и вредные не только для коренного населения, но и для самих немцев. Все панегирики грабительским походам Генриха Льва и Альбрехта Медведя Чернышевский выбрасывал самым решительным образом³⁰. Он устранил также тенденциозное суждение Вебера об особой культурной роли немецких городов в Прибалтике.

С революционно-демократических позиций Чернышевский перерабатывал веберовское толкование абсолютной монархии как института надклассового и полезного народу³¹. Считая абсолютизм организацией классового господства дворянства, Чернышевский дал яркую картину тиранства Фердинанда. «Испанский абсолютизм подавил права и свободу кастильского народа» — такова общая оценка так называемого «золотого века юстиции» в Испании, данная Чернышевским.

²⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. X, стр. 904.

²⁵ Там же, стр. 900—901.

²⁶ «Всеобщая история» Георга Вебера. Перевёл Андреев. Т. 9, стр. 534.

²⁷ См. Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. X, стр. 452.

²⁸ Там же, стр. 873—874.

²⁹ «Всеобщая история» Георга Вебера. Перевёл Андреев. Т. 6. М. 1887, стр. 184.

³⁰ G. Weber. Allg. Weltgeschichte. Bd. 6, S. 631, 657—658, 659, 660, 675, 715, 725.

³¹ Там же. Т. 9, стр. 439, 433, 689.

Духовная власть, по мнению Вебера, ещё в большей степени, чем светская, защищает и ограждает престолюдинов от угнетения и насилий³². Подобные рассуждения Чернышевский выбростил из книги Вебера. В переводе подчёркивается тесная связь инквизиции в Испании с монархической властью. Духовника Изабеллы Хименеса Чернышевский называет прислужником монархического принципа³³. Чернышевский прекрасно понимал, что абсолютизм нуждался в католицизме как идеологической и политической силе, при помощи которой монархия держала в повиновении народные массы.

Вебер проповедовал реакционную теорию Спенсера о гармонии между государством эксплуататоров и народом. По мнению Вебера, народ нисколько не тяготится властью, напротив, он привык подчиняться ей, благодаря этому в Германии выросла и окрепла власть областных государей. Чернышевский коренным образом изменил это положение. По его мнению, власть областных государей в Германии усилилась «через подавление независимости мелких владетелей»³⁴ и благодаря захвату их территории. Укрупнение владений областных государей привело к росту их экономического и политического могущества.

В статье «О различиях между народами по национальному характеру», приложенной к девятому тому «Всеобщей истории» Вебера, Чернышевский опровергает взгляды так называемой органической школы, которая объясняла жизнь человеческого общества по аналогии с жизнью животного организма. Современное общество, писал Чернышевский, разделено на сословия, и это разделение настолько глубоко и значительно, что определяющим образом влияет на все стороны общественной жизни. По убеждению Чернышевского, сословная борьба не прекращается даже в момент смертельной опасности для данной страны от внешних врагов. В истории всех западноевропейских государств бывали случаи, когда господствующая часть нации «призывала иностранцев на помощь себе против внутренних врагов или радостно встречала иностранцев, без ее призыва пришедших покорить ее родину»³⁵.

Чернышевский доказывал, что перемена «обстоятельств жизни» не одинаково касается всего народа, всех сословий. Материальное положение различных сословий не одинаково, а потому различно их правовое и общественное положение. «Потому, рассказывая жизнь народа, историк постоянно должен помнить, что народ — соединение разных сословий...», «потому точные характеристики могут относиться только к отдельным группам людей, составляющих народ, и только к отдельным периодам их истории»³⁶.

Чернышевский внёс принципиальные изменения в высказывания Вебера о гуманизме и выбросил националистические рассуждения автора о том, что гуманизм нашёл для своего развития «плодотворную почву» и имел «даровитых и отважных поборников» только в Германии³⁷.

Вслед за Гегелем Вебер рисовал народ «бесформенной массой», действия которой «стихийны, неразумны, дики и ужасны». Народ, по Веберу, не способен выделить из своей среды руководителей и передовых борцов: это привилегия господствующих сословий. Чернышевский, наоборот, подчёркивал способность народа выдвигать талантливых руководителей революционного и освободительного движения. Так, Чернышевский считал, что истинными патриотами и настоящими спасителями Франции во время Столетней войны были народные массы. Мужество и героизм французского народа, выдвинувшего из своей среды Жанну д'Арк, спасли Францию от иноземного завоевания.

Чернышевский принципиально изменил веберовские оценки многих исторических личностей. Вебер называл «вероломным» и «коварным» вождя чашников Юрия Подебрата. Чернышевский выбросил эти эпитеты. Чернышевский дал близкую к оценке К. Маркса³⁸ характеристику папы Александра VI: «гнусная знаменитость», «совершенно бессовестный и бесстыдный; он вел распутную жизнь, алчность его была безгранична; он не отступал ни перед какими злодействами для возвышения своих сыновей, один из которых, Цезарь (Чезаре), был такой же злодей, как и он»³⁹.

Чернышевский заменил описание истории России середины XVI — начала XVII в. в одиннадцатом томе «Всеобщей истории» Вебера очерком, почерпнутым из сочинения Н. И. Костомарова («Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей»). Но при этом он коренным образом переработал рассказ Костомарова. Из 363 страниц Костомарова Чернышевский извлёк лишь 51 страницу, значительно изменив их содержание. Он очистил рассказ Костомарова от ненаучных положений, рассчитанных на воспитание народных масс в духе религиозного суеверия, покорности, смиренности перед властью имущими и церковью. Идеалистическим взглядам Костомарова Чернышевский противопоставил революционное понимание роли народных масс в истории.

Костомаров отрицал исторический смысл народной борьбы, не понимал организующей, созидательной силы народа в борьбе с внешними врагами. Костомаров пытался развенчать организаторов народной борьбы с интервентами: обвинял Минина в корыстолюбии, писал о военной неспособности Пожарского, а восстание народных масс в Москве против Лжедмитрия I считал «не-

³² Там же, стр. 143, 163, 87; т. 7, стр. 762.

³³ «Всеобщая история» Георга Вебера. Перевёл Андреев. Т. 9, стр. 548.

³⁴ Там же, стр. 62.

³⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч. Т. X, стр. 891.

³⁶ Там же, стр. 892, 894.

³⁷ G. Weber. Указ. соч. Т. 9, стр. 886, 818—819, 884, 900; т. 10.

³⁸ См. Архив Маркса и Энгельса. Т. VII, стр. 80, 68—69.

³⁹ «Всеобщая история» Георга Вебера Перевёл Андреев. Т. 9, стр. 476.

истовством» и «кровопролитием»⁴⁰. Чернышевский выбросил все эти положения Костомарова. Чернышевский решительно осуждал колебания Костомарова в оценке Лжедмитрия I. «Некоторые ученые считают вероятным, — писал Чернышевский, — что Димитрий был не обманщик, а только обманутый, что враги Бориса взяли мальчика и воспитывали его в убеждении, что он Димитрий царевич, спасенный от убийц. Но во время убийства царевич Димитрий имел восемь лет; невозможно было, чтобы мальчик таких лет, которому стали говорить, что он царевич Димитрий, не знал, кто он на самом деле, и стал искренно считать себя за Димитрия. Потому мы находим несомненным, что самозванец не был обманут другими, а сам был обманщик. Костомаров колеблется высказать это так решительно, как делаем мы. Он по уважению к товарищам по специальным занятиям находит заслуживающим внимания ту гипотезу их, что человек, назвавший себя Димитрием, был орудием бояр, враждебных Борису и что их агенты воспитали его в убеждении, что он Димитрий царевич. Эта гипотеза — выдумка, составленная с забвением об условиях правдоподобия»⁴¹.

Чернышевский остроумно опровергает эту гипотезу: «Где же те бояре, которые подготовили ребенка к роли Димитрия царевича. Они были благодетели человека, воспитанного ими для занятия московского престола, он награждал бы их; или они все уж перемерли в те 14 лет, которые прошли между спасением царевича и восшествием его на престол? Перемерли и все родные их, так что некому было похвалиться заслугами мужьев и братьев, отцов и дядей? И разве царь не вызвал бы к себе в Москву людей, у которых жил в годы между своим спасением из Углича и появлением у Вишневецкого? И разве не рассказал бы сам об этих годах? Но если бы он указал, где он жил в эти годы, самозванство его раскрылось бы; потому он и молчал о том, где он жил тогда. Костомаров напрасно колеблется признать единственным рассудительным решением вопроса те слова Замойского, которые приводит сам с очевидным расположением считать их справедливыми»⁴².

Изменения, внесённые Чернышевским в рассказ Костомарова о восстании 1547 г. в Москве, о крестьянской войне под руководством И. И. Болотникова, о польско-шведской интервенции начала XVII в., свидетельствуют о глубокой вере Чернышевского в героизм и мужество великого русского народа.

Критика Чернышевским реакционных воззрений Вебера вызвала злобные выпады со стороны русских либерально-монархических кругов. Так, в рецензии на перевод первого тома «Всеобщей истории» Вебера, опубли-

кованной в февральской книжке «Исторического вестника» за 1886 г., некто «А. К.», выражая недовольство предисловием Чернышевского, писал: «Русский переводчик г. Андреев... в кратком предисловии указывает на две слабые стороны истории Вебера: склонность к трансцендентальной философии, которую он, г. Андреев, усматривает особенно в «Введении», и пристрастие к своей нации.

Пишущий эти строки имеет претензию быть знакомым с несколькими томами истории Вебера и не может признать, чтобы трансцендентальная или какая-нибудь другая философия повлияла на такого строгого и трезвого поклонника фактов, как Георг Вебер. Что же касается до «Введения», заключающего в себе всего 32 страницы, то я не могу усмотреть в них ничего особенного трансцендентального, а только набор общеизвестных истин и полустин...

А так как переведенный г. Андреевым том заключает в себе только историю Востока, то в предисловии к нему говорить о немецком патриотизме автора излишне»⁴³.

Ещё большую злобу реакционных кругов вызвали переработка и сокращения «Всеобщей истории» Вебера. В ноябрьской книжке «Вестника Европы» за 1888 г. была помещена резко отрицательная рецензия на X том русского перевода «Всеобщей истории» Вебера. Неизвестный рецензент писал: «К сожалению, из предисловия оказывается, что русский переводчик только в первых шести томах оставался верным своим простым обязанностям переводчика; но уже с шестого тома он сам возложил на себя новую обязанность — исправлять недостатки Вебера, который, по его мнению, «поддается увлечениям, господствующим в немецкой литературе», и «очищал» его. Но в таком случае и на заглавии книги следовало бы обозначить вовсе не то, что мы там находим»⁴⁴.

Представители либерально-монархических кругов не ограничились злобными выпадами по адресу переводчика «Андреева». При выпуске второго издания «Всеобщей истории» Вебера (1890—1896 гг.) переводчик Неведомский вставил в перевод Чернышевского почти все те места из текста Вебера, которые Чернышевский выбросил как антинаучные и вредные.

Н. Г. Чернышевскому не удалось полностью осуществить план переработки «Всеобщей истории» Г. Вебера, но и то, что сделано им в этом направлении, является наглядным доказательством непреклонности великого революционного демократа, свидетельством его неустанной борьбы с реакционной идеологией. Научная деятельность Чернышевского в Астрахани показывает, что замечательный русский учёный и писатель до конца своих дней оставался верным своим передовым революционным взглядам и сохранил свой неукротимый дух в борьбе против члеловеконенавистнических и антинародных теорий идеологов реакции.

⁴³ «Исторический вестник». 1886, № 2, стр. 479.

⁴⁴ «Вестник Европы». 1888, ноябрь, третья страница обёртки.

⁴⁰ Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Т. I, второе издание. 1880, стр. 689.

⁴¹ «Всеобщая история» Георга Вебера. Перевёл Андреев. Т. II. М. 1889, стр. 815—816.

⁴² Там же.